

Представляется желательным разработать специальную программу обследования и исследования губернских ведомостей как исторического источника. Необходимость этого диктуется еще и тем, что, к сожалению, даже в лучших центральных библиотеках Советского Союза уже нет полных комплектов губернских ведомостей.

В. А. ИАРДОВА

ЗАКОНОДАТЕЛЬНЫЕ ДОКУМЕНТЫ 60-х ГОДОВ XIX в. ОБ АДРЕСАХ НА «ВЫСОЧАЙШЕЕ ИМЯ»

Обращает на себя внимание серия постановлений об адресах и прошениях на «высочайшее имя», принятых в 60-е годы XIX в. Эти постановления, касавшиеся сословных и общественных собраний, не могут быть поняты без рассмотрения всей предшествующей истории законодательства, регламентирующего право подачи коллективных прошений.

Узаконенное право подачи прошений, подписанных большим числом лиц, берет свое начало с эпохи Екатерины II и связано с учреждением дворянских и городских собраний, которым было дозволено ходатайствовать об их «нуждах и пользах».¹ В остальных случаях подача прошений со многими подписями считалась актом незаконным. «Устав благочиния» 1782 г. запрещал «челобитье или прошение или донос скопом или заговором», а нарушителей, учинивших такое челобитье, предлагал «имать под стражу и отсылать к суду».² Право дворянских и городских собраний приносить прошения Павлом I фактически было упразднено. Указ 4 мая 1797 г. гласил: «Ни от кого и ни в каких местах прошений, многими подписанных, не принимать».³

Указ 4 мая 1797 г. был отменен в самом начале царствования Александра I. В утвержденном царем 5 мая 1801 г. докладе Сената «О восстановлении статей Дворянской грамоты, отмененной некоторыми указами», было признано, что повеление «ни от кого и ни в каких местах прошений, многими подписанных, не принимать» стеснило права дворянских обществ, и заявлялось, что ныне статьи 47 и 48 Дворянской грамоты «как несопешествующие пользам дворянским. . . должны воспринять полную свою силу и действие».⁴ На том же основании и тем же законодательным

¹ Грамота на права, полноты и преимущества благородного российского дворянства. — ПСЗ I, т. XXII, № 16187, ст. 47, 48; Грамота городам на права и выгоды. (1785 г.). — Там же, № 16188, ст. 36.

² ПСЗ I, т. XXI, № 15379; Уст. благ., § 230, п. 7; § 272, п. 1.

³ ПСЗ I, т. XXIV, № 17955.

⁴ ПСЗ I, т. XXVI, № 19856. — Этим же законодательным актом был аннулирован и указ 12 декабря 1796 г. «О недопущении прошения за подписаньем более одного человека» (ПСЗ I, т. XXIV, № 17636), примененный к ряду частных лиц.

порядком последовало подтверждение ст. 36 Городового положения о праве городского общества представлять губернатору о своих общественных пользах и нуждах.⁶

Законодательные акты екатерининского времени были положены в основу узаконения о прошениях, принятых в первой половине XIX в. и продолжавших действовать до начала 60-х годов, когда встал вопрос об их пересмотре. Сохранился не только основной критерий определения законности прошений (законными признавались прошения, исходящие исключительно от сословных и общественных собраний), но и содержащиеся в «Уставе благочиния» статьи о подаче прошений «скопом или заговором» (§ 230 и. 7 и 272 п. 1) с несущественными текстуальными изменениями были перенесены в Свод законов издания 1857 г. (В Свод законов издания 1832 и 1842 гг. эти статьи не вошли).⁷

Право подачи прошений, предоставленное Екатериной II дворянским и городским собраниям, позднее (1838 г.) было распространено на сельские общества государственных крестьян. Они получили право совещаться и ходатайствовать об общественных нуждах своего селения.⁸ Что касается помещичьих крестьян, то не только коллективные прошения (вплоть до 1861 г.), но и индивидуальные жалобы крепостных (до 1858 г.) считались противозаконными и влекли за собой суровые наказания.⁹

По положению о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости, сельскому и волостному сходам было дозволено приносить «куда следует жалобы и просьбы по делам общества через особых поверенных».¹⁰ Постановления, включенные в Свод законов (изд. 1857 г.), определяли для каждого из сословий круг вопросов, которых оно могло касаться в своих ходатайствах, а также порядок их принесения. Городское общество с представлениями «о нуждах и пользах общественных» могло обращаться к начальнику губернии, а по вопросам, связанным с торговлей, — непосредственно в Министерство финансов.¹¹ Дворянству дозво-

⁶ ПСЗ I, т. XXVI, № 19901.

⁸ Свод законов, 1857, т. XIV, разд. II «О предупреждении и пресечении преступлений против общественного порядка», статья 158, 162. — В последующие издания Свода ст. 162 не включалась. Ст. 158 была повторена без изменений в изданиях 1876, 1890 и 1916 гг. (Свод законов, 1876, т. XIV, разд. II, гл. IV, ст. 121; 1890, т. XIV, разд. II, гл. IV, ст. 112; 1916, т. XIV; Уст. благ. и безопасности, гл. II, ст. 83).

⁷ Первая из указанных статей была включена в «Сельский полицейский устав для государственных крестьян» 1839 г. (ПСЗ II, т. XIV, № 12165, ст. 25).

⁸ ПСЗ II, т. XIII, № 11189, ч. IV, ст. 20, п. 12; Свод законов, 1857, т. II, ч. 1. Общее губернское учреждение. Ст. 5000, п. 12.

⁹ П а н н а Э. С. Жалобы помещичьих крестьян первой половины XIX в. как исторический источник. — История СССР, 1964, № 6, с. 110—111.

¹⁰ Свод законов, 1857, т. IX. Продолжение, ч. III. 1863. Общее положение о крестьянах, вышедших из крепостной зависимости. Ст. 51, п. 8 и 9; ст. 78, п. 4.

¹¹ Свод законов, 1857, т. IX. Законы о состоящих. Статьи 509, 511, 512.

лялось обращаться с ходатайствами не только о пуждах своего сословия (ст. 112), но и затрагивать попросы, выходящие за рамки чисто дворянских интересов: представлять «о прекращении местных злоупотреблений или об устранении неудобств, замеченных в местном управлении, хотя бы они происходили и от общего какого-либо постановления» (ст. 135). Свои ходатайства дворянство могло подавать через губернских предводителей начальнику губернии или непосредственно в Министерство внутренних дел, а «в случаях, особенно важных, приносить и всеподданнейшие прошения императорскому величеству». При этом дворянство имело право приносить прошения, «адресуя конверты в собственные руки императорского величества».¹² Право подачи прошения на «высочайшее имя» являлось исключительной привилегией дворянства.

В соответствии с требованием закона дворянство, принимая в губернских собраниях постановления «о принесении просьб и жалоб высшему правительству», одновременно должно было набирать депутатов на случай вызова их правительством для объяснения этих просьб и жалоб.¹³ Направить депутацию по собственной инициативе дворянство могло лишь для принесения императору верноподданнической благодарности за дарованные права и преимущества, испросив предварительно разрешение царя.¹⁴

От дворянских прошений требовалось, чтобы они были изложены «с соблюдением всех приличий» (ст. 135). В этой же статье содержалось запрещение «дворянству составлять положения, противные законам». Противозаконными считались все предложения, которые выходили за рамки местных и сословных интересов и касались общих государственных вопросов, а неопределенность статьи давала возможность произвольного толкования закона.

Каким арсеналом средств располагало правительство для привлечения к ответственности лиц, виновных в составлении противозаконных адресов? Отступление от норм закона по ст. 135 влекло за собой штраф «со всех присутствующих в собрании и подписавших такое положение дворян в размере 150 руб. и, сверх того, с губернских предводителей 60 и с уездных по 30 руб. с каждого».¹⁵ Эта часть указанной статьи вошла и в Уголовное уложение (ст. 1959 по Своду законов издания 1857 г.).¹⁶ Наряду со ст. 1959 в Уголовное уложение была включена ст. 1205, дававшая правительству возможность суровой расправы с виновными, в первую очередь с зачинщиками. Ее текст гласил:

¹² Там же, статьи 112—113, 135.

¹³ Там же, ст. 114.

¹⁴ Там же, ст. 115.

¹⁵ Там же, ст. 135.

¹⁶ Там же, т. XV. Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. Ст. 1959; ПСЗ 1, 1845, № 19283, ст. 1883.

«Если виновный возбуждал какни-либо лица или же целые общества к сочинению и подаче самому государю императору просьб не только не дельных, но основанных на ложных, противных существующим установлениям и порядку разглашениях, или же участвовал в сочинении, написании или подаче таких просьб, то он и за первое противозаконное сего рода действие подвергается лишению всех особенных, лично и по состоянию присвоенных ему прав и преимуществ и ссылке на житье в губернии Томскую или Тобольскую».¹⁷ Нам известны только два случая, когда в связи с «всеподданнейшими» адресами велась речь о возможности привлечения виновных к ответственности на основании ст. 1205. Первый касался адреса дворянства Рогачевского уезда Могилевской губернии, принятого в октябре 1861 г., второй — адреса дворян Подольской губернии, принятого в 1862 г. Но оба адреса стоят особняком (и мы их в дальнейшем касаться не будем), поскольку наряду с политическими они выдвигали также национальные требования, в том числе о присоединении Могилевской губернии к Литве и западных губерний — к Царству Польскому.

Перечисленными выше статьями Свода законов законодательство о прошениях сословных и общественных собраний по существу исчерпывалось. Однако многие правила, касавшиеся «всеподданнейших» прошений, опирались не только на писаные законы, но и учитывали сложившуюся практику. Подавляющее большинство «всеподданнейших» прошений дворянских собраний поступало на имя министра внутренних дел и им докладывалось царю. Форма доклада не была однозначной: мог быть включен полный текст прошения или с соответствующими комментариями изложено его краткое содержание. Иногда «всеподданнейший» доклад заключал в себе лишь перечень прошений, представленных различными обществами по случаю одного и того же события. В соответствии с законом прошение дворянского собрания могло быть отправлено министру внутренних дел самим губернским предводителем дворянства или через начальника губернии. В последнем случае стало правилом прилагать к прошению копию для губернатора. Прощение, адресованное непосредственно царю, отправлялось в запечатанном конверте, но с копией для министра внутренних дел.¹⁸

¹⁷ Свод законов, 1857, т. XV, ст. 1205; Уложение... 1866, ст. 939.

¹⁸ Указанный порядок, установленный в отношении «всеподданнейших» прошений, правительство находило удобным распространить и на «всеподданнейшие» адреса. В ответ на запрос одного из губернаторов о желательном порядке представления верноподданнического адреса с обозначением «в собственные руки императорского величества» министр внутренних дел 11 апреля 1863 г. писал: «На этот случай нет установленных правил, но означенное письмо и сочту долгом представить его величеству, если оно в запечатанном конверте на высочайшее имя будет мне доставлено вместе с копией с него. Такой порядок, кажется, будет наиболее удобным? Впрочем, я не встречаю препятствий и к другому способу» (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, л. 559, л. 277—278).

В обоих случаях министр внутренних дел знакомился с прошением ранее царя и брал на себя решение вопроса о возможности его представления «на высочайшее имя». Отказ министра внутренних дел вручить прошение царю отнюдь не означал, что его содержание оставалось для царя неизвестным. Но формальной стороне дела (было ли прошение вручено официально) придавалось большое значение. Заградительной инстанцией мог быть и губернатор, когда прошение шло через него.¹⁹ В случае отказа губернатора принять прошение копия его с сопроводительным письмом немедленно посылалась министру внутренних дел, который в свою очередь безотлагательно ставил в известность о происшедшем царя.

Устное или письменное мнение царя через министра внутренних дел, губернатора, губернского предводителя доводилось до сведения подателей прошения. Если даже прошение представлялось помимо губернатора, то предписание с резолюцией цари проходило через эту инстанцию. Верноподданнические прошения с «высочайшей» резолюцией обычно публиковались в правительственной газете («Северная почта», «Правительственный вестник»). Текст сообщения, передаваемый в печать, предварительно согласовывался с царем.

О «нелояльных» прошениях (адресах) правительство, как правило, оказывалось осведомленным до их официального вручения. При этом все подробности, ставшие известными на министерском уровне, немедленно докладывались царю. Казалось бы, самодержавный режим не должен был испытывать затруднений с отклонением подобного рода прошений в случае их официального вручения. И тем не менее правящими кругами принимались все меры к тому, чтобы найти «законные основания» для его непринятия хотя бы в предпоследней, министерской, инстанции, а еще лучше на более низкой — губернатором. Любое нарушение закона: несоблюдение требуемого большинства в $\frac{2}{3}$ голосов для принятия адреса собранием, нарушение установленного порядка его представления, наконец, характер самого прошения — могло служить поводом для его отклонения. Отметим, что в том случае, если прошение выражало верноподданнические чувства «безусловно», то на нарушение процедурного порядка внимания не обращалось.

Таковы немногие законы и правила, которые определяли содержание, характер и порядок представления, а также меры наказания за подачу «противозаконных» прошений. Несмотря на недостаточную регламентированность их, до начала 60-х годов перед правительством не вставал вопрос пересмотра действовавшего законодательства. Главноуправляющий II отделением Соб-

¹⁹ Там же, л. 375—376 (Отношение иппекого, подольского и волынского генерал-губернатора министру внутренних дел об отказе принять адрес дворян Луцкого у. Волынской губернии (28 августа 1864 г.)).

ственной е. п. в. канцелярии барон М. А. Корф, занимавшийся в 1862 г. по поручению царя вопросом об адресах, писал: «Неполнота и неясность существовавших доселе законов наших о прошениях были неизбежны потому, что самые прошения с большим числом подписей (адреса) и с теми особенными признаками, которые заставляют принять против них некоторые меры предосторожности, стали являться лишь в недавнее время».²⁰ Речь идет о конце 50-х годов, когда предоставленное дворянским собраниям право прошений на имя царя было использовано дворянством для предъявления политических требований правительству. «Всеподданнейшие» прошения дворянских собраний, касавшиеся различных сторон государственной жизни, приобрели в эти годы несвойственный им ранее характер и, по видимому, по некоторой аналогии с документами в конституционных государствах стали называться адресами.

Термин «адрес» в рассматриваемом нами смысле в России входит в обиход сравнительно поздно. Во всяком случае в русские лингвистические словари, составленные в конце XVIII и начале XIX в., он не попадает.²¹ Это не означало, что русская государственная жизнь с данным понятием не была знакома. Например, «всеподданнейшее благодарение за спасение России и всей Европы», с которым в мае 1814 г. обратились к Александру I московские департаменты Сената, дворянство и купечество, в правительственной переписке именуется адресом.²² Не принимая в расчет единичность случаев поднесения благодарственных адресов «на высочайшее имя», русские энциклопедические словари первой половины XIX в. право представления адресов правительству связывали исключительно с парламентарными государствами и раскрывали содержание этого понятия в соответствии с практикой, существующей в Англии, США и Франции.²³

При этом в Энциклопедическом лексиконе Плюшара упоминалось, что в России существовала практика поднесения благодарственных адресов в более низких звеньях сословно-бюрократического аппарата («Начальникам в изъявление благодарности в важных случаях или при оставлении ими своей должности»),²⁴ и отмечалось, что к императору русские подданные могли обращаться лишь с прошениями.

Впервые определение понятия «адрес» в общем виде было дано в Академическом словаре русского языка, вышедшем в 1847 г.:

²⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 558, л. 3.

²¹ Словарь Академии Российской, ч. 1. СПб., 1789; Словарь Академии Российской по алфавитному порядку расположенный, ч. 1. СПб., 1806.

²² ЦГИА СССР, ф. 1329, оп. 6, д. 19, л. 25—27.

²³ Энцикл. словарь С. И. Селгвапского, ч. 1. М., 1823; Энцикл. лексикон Плюшара, т. 1. СПб., 1835; Энцикл. словарь Старчевского, т. 1. СПб., 1847.

²⁴ О конкретных адресах этого рода см.: Павловский П. Ф. К истории полтавского дворянства. 1802—1902. Полтава, 1906, с. 98—99, 164—165, 171—172.

«Просительное, поздравительное или благодарственное письмо какого-либо места или сословия».²⁵ Включало ли данное определение также и благодарственные письма на имя царя, мы затрудняемся ответить. Для следующего десятилетия представление перноподданных адресов на «высочайшее имя» уже непреклонный факт. Сошлемся хотя бы на патристические адреса дворянства в период Крымской войны. Причем документы такого рода и в официальном обиходе именовались адресами.²⁶

Название «адреса» сохраняется за поздравительными и благодарственными письмами и в дальнейшем.

Все более или менее значительные события в русской и международной жизни вызывали обычно поток адресов «на высочайшее имя». Верноподданные заверения в преданности и изъявления благодарности приносились по поводу годовщины вступления Александра II на престол, спасения императора от покушения, тезоименитства августейших особ, по случаю обнародования реформ и декретов, столетия Жалованной грамоты дворянству, и связи с Крымской войной, опубликованием ноты князя Горчакова об отмене статей Парижского договора и т. д.,²⁷ при этом создавалась видимость проявления общественного мнения.

Ценность основной массы адресов как источника для выяснения отношения общества к тем или иным событиям, послужившим поводом для их составления, весьма сомнительна. Наряду с косвенными данными, в том числе с дневниковыми свидетельствами, об испирировании адресов сохранились и весьма любопытные архивные материалы, в частности запросы губернской администрации насчет желательности проявления инициативы на местах. В качестве примера укажем на адресную кампанию по поводу известного рескрипта 25 декабря 1873 г. министру народного просвещения Д. А. Толстому о передаче народных училищ под контроль губернских и уездных предводителей дворянства. 29 декабря московский губернский предводитель дворянства кн. А. В. Мещерский запросил телеграммой министра внутренних дел: «Благоволите сообщить частно: разрешите ли московскому дворянству подать адрес по случаю рескрипта гр. Толстому. Кн. Мещерский».²⁸ Получив ответ, что адрес придется как раз кстати, кн. Мещерский 30 декабря посылает министру внутрен-

²⁵ Словарь церковнославянского и русского языка, составленный Вторым отделением имп. Академии наук. СПб., 1847.

²⁶ Русский шивалд, 1854, 22 апреля; С.-Петербургские сенатские ведомости, 1854, 10 апреля.

²⁷ См.: ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 984, 1864, 1865; оп. 3, д. 559, 561, 564; 590 и др. — В материалах фонда Канцелярии по приюту прошений на «высочайшее имя» (ф. 1412) в рассматриваемые годы имеются отдельные адреса.

²⁸ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1864, л. 5

них дел уже официальную телеграмму с просьбой разрешить чрезвычайное губернское собрание для представления «всеподданнейшего» адреса с выражением благодарности дворянства в связи с рескриптом.²⁸ После опубликования адреса в «Правительственном вестнике» благожелательное отношение правительства было вне сомнений, и примеру московского дворянства незамедлительно последовали дворяне других губерний,²⁹ причем отсутствие адреса в таких ситуациях могло быть расценено как проявление оппозиционности.

Верноподданные адреса составляли основную массу адресов и в качестве таковых не вызывали возражений. Вместе с тем с середины XIX в. «адрес» — это и политический документ, содержащий определенные пожелания (требования), обращенные к правительству. Эпоха общественного подъема конца 50-х — начала 60-х годов изменила не только характер «адреса», но и раздвинула круг «мест и сословий», которые ранее выступали с адресами. М. А. Корф в 1862 г. писал: «Теперь же и не принадлежащие ни к тем, ни к другим (т. е. местам и сословиям, — *В. И.*) пускаются в сочинение адресов и в собиране к ним подписей по предметам, касающимся нашего политического и гражданского быта».³¹ Учитывая «нопейшие проявления» писем этого рода, Корф полагал, что «слово адрес, в юридическом его смысле, всего правильнее будет присвоить. . . значению просьб или писем, подаваемых большим числом лиц, по предметам, касающимся государственных дел».³²

Свою задачу мы ограничим рассмотрением «всеподданнейших» адресов дворянских собраний. С формальной стороны эти адреса, в отличие от адресов неорганизованных групп населения, не были ни противозаконным, ни абсолютно новым видом документа: они опирались на законодательство о праве сословных собраний ходатайствовать перед высшим правительством и были облечены в обычную форму «всеподданнейших прошений».

Как нам представляется, закрепление за «всеподданнейшим прошением» нового термина «адрес» происходит с некоторым отставанием от появления адреса как политического документа. На основании официальной документации можно заключить, что на рубеже 50—60-х годов новый термин еще недостаточно устойчив, он существует параллельно с прежним обозначением документа — «всеподданнейшее прошение», а также промежуточным термином — «всеподданнейшее письмо». Нередко в одном и том же документе одну и ту же бумагу называют и «всеподданнейшим прошением», и адресом. Примером может служить «всеподданнейший» доклад министра внутренних дел П. А. Валуева

²⁸ Там же, д. 3.

²⁹ Там же, д. 1864.

³¹ Там же, оп. 3, д. 558, л. 4—5.

³² Там же.

о «противозаконном» прощении подольского дворянства.³³ Любопытно отметить, что в официальных донесениях губернаторов в Министерство внутренних дел уже в начале 60-х годов термин «адрес» используется достаточно широко, в то же время в предписаниях министерства слово «адрес» всякий раз заменяется «всеподданнейшим прошением» либо «всеподданнейшим письмом».³⁴ Утверждению нового термина происходит постепенно, на протяжении 60-х годов.

Широкий размах адресной кампании побудил правительство в начале 60-х годов принять меры как к ограничению потока адресов,³⁵ так и пересмотру законодательства, регулирующего порядок представления «всеподданнейших» прошений, а также круг вопросов, которые разрешалось в них затрагивать.

Уже летом 1861 г. правительство предпринимает некоторые шаги, чтобы предотвратить появление нелегальных адресов. Как отмечалось по «всеподданнейшему» докладу министра внутренних дел П. А. Валуева о постановлении смоленского дворянства, именно под влиянием слухов о намерении дворянства использовать очередные губернские собрания для подачи «конституционных» адресов в августе 1861 г. в Министерстве внутренних дел был составлен перечень вопросов, передаваемых на обсуждение дворянских собраний. Принудительной программой правительство пыталось отвлечь внимание дворянства от тем, представлявшихся самодержавию наиболее опасными, в первую очередь вопросов политической реформы. Правительство, как писал Валуев, не рассчитывало на полный успех, но надеялось, что ряд губернских собраний удастся удержать от составления «всеподданнейших адресов». Большая степень неприемлемости адресов по сравнению с постановлениями дворянских собраний, хотя бы и содержащих политические требования, заключалась в том, что первые предназначались непосредственно царю. Выражая в целом удовлетворение тем, как прошло первое, Харьковское губернское собрание, и несколько иначе оценивая итоги Смоленского, министр подчеркнул, что «он оно воздержалось от всякого заявления своих желаний в форме просьбы, непосредственно приносимой вашему императорскому величеству».³⁶ Спущенная

³³ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 43, л. 6—17.

³⁴ См.: ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 559, л. 3, 20, 106—107, 110, 143, 148, 277—278.

³⁵ В 1862 г. за подписью министра внутренних дел начальникам губерний был разослан «совершенно конфиденциальный» циркуляр о указании губернаторам не только не поощрять утвердившейся в «последнее время» практики составления адресов, но и по возможности «стараться отклонить составление подобных писем и прошений» (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 559, л. 24—25). На проекте циркуляра (л. 16) карандашом сделана помета: «Не печатать, а переписывать».

³⁶ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 22, л. 85—86 («Всеподданнейший» доклад министра внутренних дел о постановлении смоленского дворянства, по позднее 22 декабря 1861 г.).

сверху программа не стала, однако, тем щитом, который смог оградить самодержавие от возбуждения дворянством нежелательных для правительства попросов. Причем оппозиционные настроения дворянства находили выход не только в постановлениях дворянских собраний, но и прошениях на имя царя.

В первой четверти 1862 г. вопрос о «всеподданнейших» прошениях политического характера не сходил с повестки дня Совета министров: 4 января обсуждалось прошение тульского дворянства, 8 февраля — московского, 15 февраля — тверского, в первой половине марта — прошение рязанского дворянства.

Тульское губернское собрание ходатайствовало о дозволении переводить временнообязанных крестьян с барщины на оброк независимо от их согласия и с обеспечением исправности оброка правительственной гарантией; о разрешении приступать немедленно к разпоряжению угодий; об обязательности выкупа крестьянского надела в полной оценочной сумме с выдачей ее 5%-ми билетами; о скорейшем выделении пособий мелкопоместным дворянам. При этом в прошении было указано на «неприменимость» к делу издаваемых правительством узаконений и ставился вопрос об учреждении Комиссии выборных от губерний из числа собственников (с включением в нее правительственных экспертов) и предоставлении Комиссии права подачи законопроектов непосредственно на имя царя.³⁷

Решение, принятое по поводу прошения тульского дворянства, может служить примером того, насколько спокойно воспринимались правительством «домогательства» дворян экономического порядка и как болезненно реагировало оно на любые с их стороны поползновения политического характера. Во «всеподданнейшем» докладе министра внутренних дел подчеркивалось, что все четыре пункта ходатайства «относятся к вопросам, на которые ныне почти повсеместно обращено внимание дворянства», и делался вывод, что они «не заключают в себе по существу или по форме изложения ничего прямо предосудительного». Переходя затем к предложению об учреждении «особой законодательной комиссии», Валуев называл его «вполне неправильным и неуместным», поскольку оно относилось к общему законодательству и заявляло «притязания» на изменение всего существующего порядка законодательства. При этом обращалось внимание на неправильность понимания дворянством статей 112 и 135 т. IX Законов о состоянии, по смыслу которых, подчеркивал Валуев, прошения не считались противозаконными, если даже они исходили из какого-либо общего постановления, но касались только одной местности. Наконец, как отмечалось в докладе, прошение было изложено и в «неуместных» выражениях, «ибо, — писал Валуев, — туль-

ское дворянство не имеет ни призвания, ни права голословно обвинять в неприменимости к делу . . . узаконения с высочайшего соизволения вашего величества издаваемое».

Однако, принимая во внимание общее «болезненное» настроение умов, министр внутренних дел полагал, что «прямое» изъяснение царского «пseudопольствия» могло бы иметь неблагоприятные последствия: придать прошению тульского дворянства в глазах других дворянских обществ значение, которого оно не заслуживает, и привести к неуместным демонстрациям на других дворянских съездах. Поэтому в отношении просьбы тульского дворянства об учреждении особой комиссии предлагалось только объявить дворянству, что «это ходатайство как неосновательное и неуместное оставлено без последствий». А если бы, воспользовавшись «благодупной снисходительностью», другие дворянские собрания последовали примеру тульского, то, по мнению Валуева, Александр II в каждом отдельном случае имел бы возможность принять другие меры.³⁸

В результате рассмотрения дела в Совете министров (4 января 1862 г.) последовало «высочайшее повеление», которое находилось в полном соответствии с соображениями, высказанными в докладе министра внутренних дел.³⁹

Дворянству объявлялось, что «предметы ходатайства, в четырех пунктах „всеподданнейшего“ прошения изложенные, касаются вопросов, которые уже имеются в виду правительства и получают разрешение, сообразное с общими потребностями и пользами государства». В отношении же особого ходатайства об учреждении комиссии для составления проектов государственных преобразований было сказано, что оно, «как выходящее из круга тех суждений, кои по закону предоставлены дворянским собраниям, а потому неосновательное и неуместное, оставлено без последствий».⁴⁰

Таким образом, в начале 1862 г. вопрос о принятии каких бы то ни было постановлений общего характера о прошениях на «высочайшее» имя еще не стоял.

Что же касается негативного отношения правительства к попыткам дворянских собраний выйти за рамки предметов, допускаемых к обсуждению, то оно было доведено до сведения губернских предводителей в циркулярном письме министра внутренних дел от 10 января 1862 г., где обращалось внимание на «форму, свойство, цель и неизбежные последствия» различных предположений дворянских собраний, в первую очередь по крестьянскому вопросу, по вместе с тем отмечалось, что и другие пред-

³⁷ Там же.

³⁸ П. А. Валуев поместил в своем дневнике: «О тульском адресе приняты мои заключения» (В а л у е в П. А. Дневник, т. I. М., 1961, с. 138).

⁴⁰ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 23, л. 53.

³⁹ Содержащее прошение излагается на основании «всеподданнейшего» доклада министра внутренних дел (ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 23, л. 40—50).

положения дворянских собраний «совершенно выходят из определенного законом круга предметов», подлежащих их ведению. В письме порицались «ошрометчивые суждения о действиях правительства» и «общие бездоказательные обвинения против ныне существующих учреждений». На Министерстве внутренних дел, говорилось в документе, лежит обязанность изыскивать средства к облегчению затруднительного положения дворянского сословия и удовлетворению всех заявляемых ими просьб и желаний «настолько, насколько удовлетворение их возможно без прямого нарушения общих польз государства», но при этом подчеркивалось, что всякое «вмешательство дворянства и обсуждение вопросов, его ведению и рассмотрению не подлежащих, может только затруднить, замедлить достижение этой цели или даже сделать его для меня невозможным».⁴¹

В начале февраля 1862 г. на обсуждение Совета министров был внесен всеподданнейший доклад П. А. Валуева об адресе московского дворянского собрания. Адрес исходил от дворян Подольского уезда и был принят собранием 11 января.⁴² Московский адрес, в котором нашли отражение идеи умеренно либеральных кругов общества начала 60-х годов, выдвигал требования ряда буржуазных свобод и намечал программу преобразования, затрагивавшую различные стороны государственного управления.⁴³

⁴¹ Северный вестник, 1880, № 8, с. 41—43; В а л у е в П. А. Дневник, т. I, с. 140, 377.

⁴² ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1862, д. 33, ч. 1, л. 35—37. Копия.

⁴³ Секретные донесения и III отделение о приятии московским собранием проекта адреса, предложенного подольским дворянством (ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1862, д. 33, ч. 1, л. 1—2, 12—13, 16—17, 22), а также совпадение основных положений копии указанного адреса, хранящейся в фонде III отделения (там же, л. 35—37), с пунктами московского адреса, перечисленными во всеподданнейшем докладе П. А. Валуева (ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 29, л. 2—4), позволяют утверждать, что на «высочайшее имя» был представлен адрес, соответствующий дающим копии. Существующее в литературе и восходящее к Б. Веселовскому мнение о представлении царю адреса с урезанной программой требований, сведенной к вопросам административного управления и судебной реформы, является ошибочным. Основываясь на неполной характеристике содержания адреса в работе И. Барсукова («Затем Д. А. Наумов прочитал от имени подольского дворянства проект всеподданнейшего прошения государю о разных изменениях в администрации и судебной части и прочее. Этот проект и был принят большинством голосов». — Б а р с у к о в И. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. 19. СПб., 1904, с. 8) и при этом неверно истолковав сведения, приведенные в дневнике В. А. Мухомова («Января 13. В Москве начались выборы, и заседания очень бурны и шумны. . .»: «Января 16. Посещаю гр. А. М. Толстую. . . Граф возвращается с выборов [но на этот раз речь идет не о московских, а петербургских выборах. — В. И.] и рассказывает, что там ходил по рукам московский адрес, в котором требуют депутатов со всей России, гласности бюджета, словесного суда, свободы слова и прочее». — Русский архив, 1897, кн. 1, с. 57), Б. Веселовский пришел к заключению, что на московском собрании был принят текст всеподданнейшего адреса, исходивший от дворянства Подольского уезда, «с просьбой о разных изменениях в администрации и судебной части»,

Написанный в традиционной манере адрес содержал весь набор дежурных заверений в любви к отечеству и преданности престолу. Были соблюдены и капоны, диктовавшие наложение ходатайств не в форме четких и конкретных просьб, а «благопожеланий», передаваемых на усмотрение царя. Именно в такой форме в нем поднимался актуальный в те годы вопрос о строгом исполнении законов, строгой отчетности и ответственности перед законом всех, включая высшую бюрократию. Шла речь о возможно большем расширении выборного начала в государственной жизни и предоставлении более широких прав органам местного самоуправления. Личные и имущественные права граждан предполагалось оградить введением гласного судопроизводства и суда присяжных. Высказывалась обеспокоенность финансовым положением в стране, а в качестве средства «для уснокосения умов» предлагалось обнародование государственных долгов и смет.

Предложения по крестьянскому вопросу сводились к пожеланию немедленного упразднения временпообязанных отношений, в этом составители адреса видели путь к устранению антагонизма между дворянством и крестьянами. Не забывая при этом о своих материальных интересах, дворяне оговаривали правительственную гарантию оброков и выкупа в полной оценочной сумме. В адресе заявлялось также о необходимости гласного обсуждения в печати всех предстоящих преобразований.

В предлагаемой программе реформ московские либералы видели единственное средство «пересоздать на прочных основаниях потрясенное государственное здание». С их помощью — тишичное для либералов обоснование необходимости реформ — они надеялись «отвратить даже в будущем всякую возможность потрясенной». В конце адреса, обращаясь к подпросам, предложенным правительством на рассмотрение губернских собраний, дворяне просили разрешить им для обсуждения этих вопросов, представляющих интерес не только для дворянства, избрать комиссию с привлечением в нее представителей от других сословий, чтобы выработанные ею труды были переданы затем всегубернскому собранию, созванному в Москве.⁴⁴

При изучении дела о московском дворянском адресе министр внутренних дел обратил внимание в первую очередь на процедур-

но там же *ходил по рукам адрес*, предлагавшийся частью дворян, в котором требовался *слова депутатов во всей России, гласность бюджета, словесный суд, свобода слова и прочее* (В е с е л о в с и й Б. История земства, т. III. СПб., 1911, с. 8—9). Вывод Б. Веселовского был повторен И. М. Дружининым (Д р у ж и н и н И. М. Московское дворянство и реформа 1861 г. — Изв. АН СССР, 1948, серия истории и философии, т. V, № 1, с. 78) и Н. Г. Сладковичем (С л а д к о в и ч Н. Г. Об общественно-политических настроениях дворянства в 1861—1862 гг. — В кн.: Проблемы истории общественной мысли и историографии. М., 1976, с. 112).

⁴⁴ ЦГАОР, ф. 109, 1 экз., 1862, д. 33, ч. 1, л. 35—37.

ную сторону вопроса. Приведя журнальную запись постановления собрания,⁴⁵ П. А. Валуев в своем докладе отметил, что проект был принят лишь «в общем очертании, без обсуждения в подробностях», многие из голосовавших могли полагать, что баллотировался не сам текст прошения, а лишь вопрос о принятии или непринятии его к обсуждению. Указывая на проявленную собранием «торопливость», «несовместимую с важностью дела», Валуев особо выделил то обстоятельство, что проект был заслушан и оставлен на голосование в один день с голосованием другого не менее важного проекта — записки П. А. Безобразова о пересмотре Положения 19 февраля — и поэтому был поддержан многими лишь в противовес последней. Ссылаясь, кроме того, на протесты, поступившие от двух уездных предводителей и 48 дворян, в которых заявлялось о несогласии с отдельными положениями проекта, министр внутренних дел находил, что прошение не представляет собой выражения общего мнения. Он полагал также, что нельзя оставить без внимания и тот факт, что в прошение включены ходатайства, «которые выходят из круга предметов, предоставленных по закону обсуждению дворянских собраний».⁴⁶ Оба эти соображения были повторены в «высочайшей» резолюции по докладу министра внутренних дел от 9 февраля 1862 г., в соответствии с которой прошение было объявлено «оставленным без последствий».⁴⁷ Допустивший адрес к подаче губернский предводитель П. П. Воейков, избранный вновь на третий срок, не был утвержден в этом звании.

9 февраля 1862 г. министр внутренних дел записал в дневнике: «Утром доклад. Ввиду современных затруднений по делам дворянских собраний и общего раздражения умов, с одной стороны, и разноречивых толков между членами правительственного синклита, с другой, я предложил государю поручить нескольким министрам, по их предметам ведомства наиболее прикосновенным к делу, собраться и обсудить вопрос о тех мерах, которые надлежит принимать, и той системе, которой следует держаться правительству».⁴⁸ Лаконичная форма записи не дает полного представления о содержании доклада и последовавшего затем разговора между министром внутренних дел и царем. Сохранившийся в делах Совета министров «всеподданнейший» доклад Валуева

⁴⁵ Журнальная запись постановления о «всеподданнейшем» адресе выглядела следующим образом: «Дворянство определило: баллотировать: принять ли представленный от Подольского уезда проект всеподданнейшего прошения; и по баллотировании оказалось — избирательных шаров 300, неизбирательных — 58. Положили: записать о сем в журнал; проект всеподданнейшего прошения принять и просить губернского предводителя дворянства через кого следует постановить на высочайшее государя императора воззрение» (ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, л. 29, л. 6).

⁴⁶ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, л. 29, л. 2—8 (Всеподданнейший доклад министра внутренних дел).

⁴⁷ Там же, л. 12.

⁴⁸ Валуев П. А. Дневник, т. I, с. 144.

о прошении тверского дворянства, датированный 8 февраля, и сделанная па нем рукой Валусова помета: «Высочайше повелено внести в Совет министров. СПб. 9 февраля 1862 г.»⁴⁹ — помогают установить, что 9 февраля речь шла о событиях, развернувшихся в Тверской губернии. Именно эти события и побудили министра внутренних дел поставить вопрос об определении единой правительственной позиции в отношении подхода к постановлениям и адресам дворянских собраний.⁵⁰

Выступление тверского дворянства в феврале 1862 г. ознаменовало высшую точку в либерально-оппозиционном движении этого периода. В постановлении, принятом чрезвычайным губернским собранием, и адресе, составленном на его основе, тверские либералы потребовали немедленной отмены временнообязанных отношений, предоставления земли крестьянам в собственность, выступили с отказом от привилегий дворянства и, ссылаясь на невозможность разрешения назревших проблем бюрократическим путем, предложили созыв несословного представительного собрания.⁵¹

Известные публикации текста адреса и недавно вышедшая специальная работа о тверском выступлении 1862 г.⁵² позволяют не останавливаться на сюжетах, которые получили освещение в историографии, и перейти непосредственно к мерам, принятым правительством в ответ на постановление и адрес тверского дворянства.

15 февраля состоялся Совет министров с двумя докладами министра внутренних дел: по «всепогоднейшему прошению твер-

⁴⁹ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 30, л. 16—17.

⁵⁰ Валусов П. А. Дневник, т. 1, с. 144.

⁵¹ Текст адреса см.: Лемке М. Очерки освободительного движения 60-х годов. Изд. 2. СПб., 1909, с. 447—449 (заверенная копия); Бурцов Вл. За сто лет (1800—1896), ч. 1. Лондон, 1897, с. 61—63. — Порецкий И. Конституционное движение 60-х годов. СПб., 1908, с. 137—140; Вдовин В. Сборник документов по истории СССР. М., 1975, с. 141—143.

⁵² Попов И. П. Тверское выступление 1862 г. и его место в событиях революционной ситуации. — В кн.: Революционная ситуация в России в 1859—1861 гг. М., 1974. — В работе с незначительными купюрами приводится текст адреса. К сожалению, его подлинность автором не оговаривается. При сравнении текста адреса, помещенного в статье, с публикацией заверенной копии М. Лемке обнаруживается много разночтений. См. также: Попов И. П. Либеральное движение провинциального дворянства в период подготовки и проведения реформы 1861 г. — Вопросы истории, 1973, № 3, с. 47—50. — Исследования Попова существенно расширили круг материалов, введенных ранее в научный оборот. Однако не все выводы автора представляются бесспорными, в их числе его «поправка» к установившемуся мнению о том, что выступление тверских дворян в 1862 г. не получило дальнейшего развития в либерально-оппозиционном движении 60-х годов. Обращает на себя внимание неточность в аргументации Попова, в частности его ссылка на собрания московского и тульского дворянства, которые, вопреки утверждению автора, не могли «поддерживать» конституционных требований тверских дворян, хотя бы потому, что предшествовали тверскому губернскому собранию. (Попов И. П. 1) Либеральное движение. . . с. 49—50; 2) Тверское выступление 1862 г. . . . с. 272—275).

ского дворянства» и с «общим очерком постановлений, составленных на бывших в разных губерниях дворянских съездах».⁵³ Доклад по первому вопросу был предельно кратким. Министр внутренних дел указал, что наряду с голословными пареканиями на Положения 19 февраля и на действия высших правительственных властей в прошении содержится отказ дворянства от сословных привилегий и ходатайство о созыве выборных от всей земли русской. Прошение тверского дворянства, «как заключающее в себе ходатайства, выходящие из круга тех суждений, кои по закону предоставлены дворянским собраниям», Валуев называл «неосновательным и неуместным» и предлагал, «применяясь к высочайшим повелениям, последовавшим относительно подобных прошений тульского и московского губернских дворянских собраний», «оставить без последствий». Заключение министра было «высочайше» повелено привести в исполнение.⁵⁴

Совет министров, обсуждавший вопрос об адресе тверского дворянства, состоялся 15 февраля, следовательно, уже после того как были получены известия об отказе мировых посредников руководствоваться Положениями 19 февраля и решен вопрос об их аресте и предании суду.⁵⁵ Таким образом, дилемма — неизбежность трудностей при привлечении к ответственности большого числа лиц (всех дворян, подписавших адрес) и вместе с тем нежелательность оставления безнаказанной дерзости тверского дворянства — уже была решена за счет мировых посредников.

Тверское губернское собрание вывало к жизни еще один документ — «Высочайшее мнение по докладу министра внутренних дел о постановлениях дворянских собраний». В соответствии с данным документом постановления дворянских собраний подразделялись на 4 категории, при этом указывалось, что Министерству внутренних дел подлежало «принимать к соображению» лишь две категории постановлений: отзывы дворянских собраний по предметам, предложенным их обсуждению «по высочайшему повелению»,⁵⁶ и по вопросам, имеющим непосредственную связь с общим ходом крестьянского дела и Положениями 19 февраля. Тем из них, которые могут быть признаны «уважительными».

⁵³ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 30, л. 14 (Ведомость бумагам, следующим к докладу в Совете министров). — Общий очерк постановлений в делах Совета министров отсутствует. См.: ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1108, л. 1—7.

⁵⁴ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 30, л. 16—17.

⁵⁵ В а л у е в П. А. Дневник, т. 1, с. 145—146; «Освобождение», кн. I. Штутгарт, 1903; П о п о в Н. П. Тверское выступление 1862 г. . . , с. 265—266.

⁵⁶ Отметим, что и в тех случаях, когда дворянские собрания не выходили за рамки правительственной программы, их отзывы далеко не всегда устраивали правительство. Сошлемся хотя бы на постановление курского дворянства, внесенное на обсуждение Совета министров 8 марта 1862 г. (ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 32, л. 2—5).

надлежало «дать дальнейшее движение». В отношении ходатайств и предположений, касающихся в одно и то же время и местных нужд, и общих законодательных вопросов (3 категория), предлагалось предупредить дворянство, что они «не могут подлежать одностороннему разрешению по предположению того или другого отдельного губернского собрания, но составляют предмет общей заботливости высшего правительства». Что касается вопросов, которые дворянские собрания не имели законного права обсуждать и возбуждать (4 категория), то Министерству внутренних дел вменялось в обязанность объявить дворянству, что «его предположения и ходатайства остаются без последствий, как выходящие из круга предметов, действующими законами предоставленных его обсуждению, и что правительство, в настоящее время сосредоточивающее все свое внимание на предпринятых им к общей пользе государства преобразованиях . . . представляет себе и дальнейшее направление этих преобразований к их конечной цели».⁵⁷

26 февраля открылось чрезвычайное собрание дворянства Рязанской губернии по вопросу о поземельном кредите. Однако с самого начала дискуссия вышла за рамки утвержденной программы. Были подняты вопросы о немедленном и окончательном разрешении крестьянской проблемы, о восстановлении ценности кредитного рубля, о реформе суда, о преобразовании полиции и администрации и о созыве всесословного собрания выборных. Пункт о всесословном представительном собрании был поставлен на голосование, но не набрал необходимых $\frac{2}{3}$ голосов. Причем против голосовала более прогрессивная часть депутатов, не согласившихся с новой редакцией, призванной обеспечить преобладание в собрании представителей дворянского сословия. После демонстративного ухода этой части депутатов со съезда был принят текст «всепогоднейшего» прошения, в котором вопрос о созыве всесословных представителей не ставился. Депутаты ходатайствовали лишь об учреждении в уездах и губерниях особых землевладельческих собраний из представителей всех сословий для обсуждения вопросов, касающихся «интересов всего аемства».⁵⁸

В Совете министров (16 марта) по делу о прошении рязанского дворянства было «высочайше повелено» объявить, что его ходатайства «большой частью касаются вопросов, которые уже имеют в виду правительства и получают разрешение своевременно и установленном порядке, частью же не могут подлежать удовлетворению, как противоречащие основным началам законодательства 19 февраля».⁵⁹

⁵⁷ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 30, л. 19—21.

⁵⁸ В а л у е в П. А. Дневник, т. 1. Комментарии, с. 380—381; ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1108, л. 39—40 (копии прошения).

⁵⁹ ЦГИА СССР, ф. 1275, оп. 1, д. 31, л. 4—5.

Вместе с тем осведомленное о конституционных заявлениях на губернском собрании⁶⁰ и о тех обоснованиях, которые приводились рязанским дворянством в подтверждение своего права возбудить ходатайство о созыве всесословного собрания выборных (статьи 112 и 135 Законов о состоянии), правительство сочло нужным выступить с разъяснением соответствующих статей Свода законов. Это было сделано в форме конфиденциального письма министра внутренних дел к губернским предводителям дворянства 20 марта 1862 г. (Проект письма был одобрен царем еще 9 марта). В нем были изложены согласованные с министром юстиции соображения относительно смысла статей Свода законов, предоставлявших дворянству право ходатайствовать о его нуждах и пользах: статьи 112, 119 и 135. Особый упор был сделан на ст. 112. «Из буквального смысла 112-й статьи, — пояснялось в письме, — известно, что дворянские собрания могут иметь совещания только о своих нуждах и пользах. Согласованно подобных домогательств с общими нуждами и пользами других местностей составляет предмет заботливости правительства». Общий вывод относительно пределов тех прав, которые предоставлены дворянству указанными статьями, сводился к тому, что «прошения или представления, не касающиеся местных нужд и польз, но подлежащие на основании действующих законов обсуждению в дворянских собраниях и не могут быть предметом ходатайств, обращаемых к высшему правительству». В письме дана была рекомендация излагать представления о местных нуждах и пользах отдельно по каждому предмету. Кроме того, указывалось, что представления о местных злоупотреблениях должны заключать в себе их подробное описание, чтобы «дать возможность произвести по сим предметам надлежащее исследование и прекратить существующие беспорядки».⁶¹

Нетрудно понять, что при соблюдении этих условий представление на «высочайшее имя» не могло не утратить тех признаков, которые были свойственны адресу, отличали его от обычного прошения: изложение просьбы в общей, а нередко и завуалированной форме, обсуждение не одного, а нескольких вопросов и т. д. И эта цель — затруднить составление адресов — здесь несомненно имелась в виду, хотя в этом направлении были приняты уже и не только косвенные шаги. На II отделение предположительно во второй половине февраля — начале марта была возложена задача упорядочения законодательства об адресах. В конце марта докладная записка по этому вопросу и проект правил главноуправляющим II отделением М. Я. Корфом были представлены царю. Проект «Правил для предупреждения и пресече-

⁶⁰ Валуев П. А. Дневник, т. 1, с. 150.

⁶¹ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 2, д. 1108, л. 44—48. — В 1880 г. конфиденциальное письмо, адресованное предводителю дворянства Херсонской губернии, было напечатано в «Северном вестнике» (№ 8, с. 43—44).

ния беспорядков от подачи прошения большим числом лиц» остав-
ляя неизменным основной критерий законности прошений: пра-
вилами запрещалось приносить кому бы то ни было прошения,
подписанные более чем одним лицом, за исключением прошений
по делам частным и от сословных и общественных собраний.
Винные в нарушении этого запрещения подлежали суду и при-
говаривались к тюремному заключению сроком от 6 месяцев
до 2 лет (п. 1). Мера наказания за подачу такого рода адресов
до этого времени законом не определялась. Что касается проше-
ний от сословных и общественных собраний, то на подписавших
их в соответствии с «Правилами» налагалась ответственность
в трех случаях: если они выходили за рамки предметов, предна-
чертанных законом для каждого сословия или общества; были
представлены не в установленном законами порядке и если их со-
держание оказывалось «неприлично».

За нарушение этих условий подписавшиеся подвергались до-
нежным изысканиям, а в случаях более важных — тюремному
заключению (п. 4). Дела о нарушении вышеперечисленных ус-
ловий сословными и общественными собраниями должны были
подлежать ведению общих судебных мест, но их внимание могло
состояться лишь вследствие особого распоряжения министра
внутренних дел (п. 5).

Значительный интерес, на наш взгляд, представляют замеча-
ния на проект и всеподданнейшую записку министров внутренних
дел, юстиции и начальника III отделения, позволяя выявить
основные предметы дискуссии и уяснить причины, побудившие
правительство встать на путь пересмотра действующего законода-
тельства. По мнению министра внутренних дел П. А. Валуева,
не было надобности в издании проектируемых правил в виде но-
вого отдельного законоположения, так как статьи 158 и 162 Устава
о предупреждении и пресечении преступлений воспрещают по-
дачу прошений «скопом или заговором», относя такую подачу
к запрещенным сходкам и к действиям, противным общей тишине
и спокойствию. Он полагал, что постановление о наказании за по-
дачу прошений большим числом лиц следовало издать как допол-
нение и разъяснение соответствующих статей Свода. При этом
министр находил желательным сформулировать проектируемое
постановление таким образом, «чтобы не так ясно выказыва-
лись бы причины, побуждающие правительство к настоящему
мероприятию». Статьи проекта, касающиеся адресов сословных
и общественных собраний, не вызвали возражения министра,
но он поставил вопрос о предоставлении высшему правительству
«при исключительных обстоятельствах» права устранять от долж-
ности в административном порядке предводителей дворянства,
принимавших участие в составлении незаконных прошений.⁸²

⁸² ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 558, л. 24—25, 29—30.

Начальник III отделения кн. В. А. Долгоруков в своем заключении остановился на ряде моментов. Подробному разбору был подвергнут вопрос о привлечении к наказанию значительной массы людей. Соглашаясь с тем, что при большом числе подсудимых уголовное правосудие может истретить затруднения как при производстве суда, так и при исполнении приговора (лишение свободы большой массы людей вызовет «сильное волнение» в обществе, приведет «к ожесточению против правительства», может возникнуть проблема из-за нехватки тюремных помещений и т. д.), шеф жандармов видел выход в сужении числа виновных. С этой целью он предложил постановление о подаче адресов только через избранных собранием депутатов. На них в случае признания незаконности адреса легла бы главная ответственность, а из прочих «адресантов» наказание подверглись те, кто по ходу дела оказался бы наиболее виновным. Шеф жандармов высказал несогласие с тем, что решение вопроса о преследовании за подачу сословного адреса возлагается проектом на министра внутренних дел как «блюстителя высших интересов государства». Долгоруков полагал, что «эту столь важную и трудную обязанность следует нести самому правительству (в лице Комитета министров, — В. Н.), а не отдельному органу его». «Если же, — писал он, — будет признано неудобным предавать виновных суду и о ч а й ш е й в о л е», то, по мнению Долгорукова, министру внутренних дел надлежало бы согласовывать свои действия с министром юстиции как генеральным прокурором.⁶³ Здесь мы снова сталкиваемся с тем фактом, что хотя ни для кого не составляло секрета, что без санкции императора не могло быть принято ни одно решение, тем не менее для правящей верхушки представлялось важным создать видимость непричастности царя к отклонению дворянских адресов, принятию репрессивных мер и т. д. Рассматривая дворянство как социальную опору трона, правительство сознательно проводило эту линию: оставляя в тени личность монарха, перекладывало всю ответственность на бюрократию.

Министр юстиции гр. Панин в своем заключении по проекту по-прежнему придерживался того взгляда, что «затруднения» с дворянскими адресами произошли «преимущественно» от недобросовестного манипулирования текстом ст. 135. Сформулированным в ней правом ходатайствовать об устранении неудобств в местном управлении, проистекающих от общего постановления, отмечал гр. Панин, составители воспользовались для обсуждения вопросов, касающихся общего порядка управления и государственного устройства, «между тем как Уложением о наказании, — писал он, — всякое покушение к изменению государственного устройства признается и наказывается, как государственное преступление». Для предупреждения дворянских притязаний министр юстиции вновь предложил разъяснить указанную статью

⁶³ Там же, л. 39—46.

в том смысле, что, представляя о своих нуждах и заявляя о вредных последствиях от какого-либо общего постановления, дворянство обязано показать, в чем именно в отношении данной местности эти последствия проявляются. Тогда, писал он, «вместо общих закону противных требований, касающихся государственного устройства, заступили бы домогательства частные, может быть, заслуживающие внимания». «Во избежание всякого покушения к расширению пределов предоставленного дворянству права» каждое домогательство предлагалось налагать в виде отдельной просьбы. Им также был поднят вопрос о необходимости ограничения числа лиц, привлекаемых к ответственности. Преданно суду членов дворянских собраний, подписавших адреса, несогласные с точным смыслом законов, он признавал «положительно неудобным». В числе аргументов приводился затяжной характер судебного процесса, неизбежный при привлечении полутора или более сотен людей, и трудности в исполнении приговора, который, как он предполагал, окажется наверняка «в явном противоречии с общими убеждениями и ожиданиями». Кроме того, была высказана уверенность в том, что обвиняемые в нарушении предоставленного им права всегда найдут в каких-либо местных обстоятельствах «средства к такой критике общего постановления, которая послужит . . . извинением к обсуждению предметов. . . выходящих из сферы местных интересов».

Министр юстиции, как и министр внутренних дел, поднял вопрос об особой ответственности предводителей дворянства. Занимаемое ими положение, рассуждал он, обязывает их не подписывать противозаконных прошений. Без подписи предводителя прошение не может быть отправлено, а в случае отправления явилось бы бумагой, не имеющей никакого значения. Поэтому за подписание противозаконных адресов предводители дворянства и другие должностные лица, полагал он, должны подлежать изысканиям в административном или судебном порядке (по усмотрению правительства).⁶⁴

Следующим этапом в обсуждении вопроса об адресах было образование в январе 1862 г. Особого комитета в составе главного управляющего II отделением, министров юстиции и внутренних дел, шефа жандармов и управляющего Министерством народного просвещения. Основные выводы Особого комитета сводились к следующему: лишение частных лиц права подачи прошений является неверным. «Право челобитья» испокон веков было признано неотъемлемым правом подданных, а сам по себе факт подачи прошений со многими подписями частных лиц еще нельзя считать преступным: никогда не отвергались адреса поощрительные, благодарственные и т. д. Но следует законом определить обстоятельства, при которых адрес принимает характер преступления: например, распространение под видом адреса воззвания

⁶⁴ Там же, л. 31—38.

с призывом к бунту и т. д. Наказания за преступные действия такого рода должны назначаться на основании общих уголовных законов, а преследование лиц производится прокурором по собственной инициативе. Однако, по мнению Комитета, применение общих уголовных законов к «таким законопротивным действиям, каково представление правительству неприличного или несогласного с общественным порядком адреса», едва ли допустимо. «Действительная опасность и важность их (адресов, — В. И.), — записано в журнале Особого комитета, — равно как необходимость вооружать против виновных строгость правосудия, зависит при каждом отдельном случае от множества особых, неуловимых обстоятельств, которые всего вернее оценить может административная власть, а иногда лишь и одно высшее правительство». При этом подчеркивалось, что «часто оставление адреса без всякого внимания и последствий будет для просителей наказанием гораздо более чувствительным, чем судебное преследование, которое бы поставило их на ложный пьедестал и придало их действиям несвойственную важность и значение». Возбуждать дела о наказаниях за подобные адреса прокурору следует лишь по указанию административных властей.⁶⁶ Отправным пунктом проекта, предложенного Особым комитетом, было снятие запрета на подачу коллективных прошений лицами, не принадлежащими к сословным и общественным собраниям. Проект правил определял условия, при которых подача адреса считалась бы действием незаконным, и устанавливал меру ответственности лиц, причастных к составлению, распространению или подаче незаконного адреса.⁶⁶

Итак, с самого начала спор шел вокруг нескольких вопросов: следует ли расширять право на подачу петиций за счет признания такового за частными лицами; целесообразно ли привлечение к ответственности всех лиц, подписавших незаконный адрес; отвечает ли интересам правительства внесение изменений и дополнений в существующее законодательство об адресах.

Журнал Особого комитета был передан на рассмотрение Департамента законов Государственного Совета.⁶⁷ В заседании 5 декабря 1862 г. Департамент законов высказался категорически против признания за частными лицами права на подачу прошений со многими подписями и вместе с тем вообще нашел ненужным внесение каких-либо изменений в действовавшие постановления об адресах. Мотивируя свое решение, Департамент, в частности, сослался на то, что с наданием постановлений правительство «будет более связано в своих действиях, чем теперь, потому что тогда за частными лицами, не принадлежащими к составу уза-

⁶⁶ Там же, л. 49—54.

⁶⁶ Там же, л. 51—52.

⁶⁷ Первоначально намечалось передать вопрос на рассмотрение Совета министров. — ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 558, л. 1.

конечных обществ, будет признано законное право подавать общие прошения».⁶⁸

При обсуждении журналов Особого комитета и Департамента законов в Общем собрании Государственного Совета (14 января 1863 г.) мнения разделялись. 19 членов Государственного Совета полагали, что обстоятельства, связанные с подачей прошения, настолько разнообразны, что в законе невозможно предусмотреть всех случаев и определить ответственность виновных. Оценка характера адреса и мер взыскания за него должны принадлежать исключительно правительству. От него зависит передать дело рассмотрению судебных органов или же принять меры в административном порядке. (При этом подчеркивалось, что доведение до «высочайшего» сведения обо всех случаях представляется безусловно необходимым). По мнению 19 членов, действующее законодательство дает правительству полную возможность в каждом конкретном случае принимать те меры, которые необходимы для поддержания общественного порядка и предупреждения нарушений. Кроме того, они отмечали, что всякое изменение существующих узаконений, воспрепятствующих подачу просьб частными лицами, принесет неизбежный вред, поскольку с признанием права подавать адреса неизбежно признание за частными лицами и права соединяться целыми обществами для обсуждения потребностей государства: ибо одно право без другого существовать не может». Признание же за частными лицами права обсуждения вопросов, подлежащих исключительно усмотрению высшего правительства, как сказано в журнале, 19 членов находили «в высшей степени опасным».

На этом основании 19 членов высказались против дополнения существующих узаконений специальными правилами об адресах.

25 членов Государственного Совета придерживались другой точки зрения. Отметив неполноту и неточность редакции статей законов относительно подачи адресов и обратив внимание на тенденцию к увеличению их числа, 25 членов высказались за необходимость безотлагательного издания правил. Дополнительно они выдвинули еще и тот аргумент, что представление каждого отдельного случая на разрешение верховной власти имеет «свои особые неудобства», ибо дает повод считать, что даже в маловажных случаях «обвинителем» выступает сам монарх. Император поддержал мнение 25-ти.⁶⁹

Вопрос об адресах был передан на повторное рассмотрение Департамента законов и вновь заслушивался 9 марта 1863 г. Было принято решение поручить министру внутренних дел П. А. Валуеву составление новой редакции проекта об адресах.⁷⁰

⁶⁸ Там же, л. 52—54.

⁶⁹ ЦГИА СССР, ф. 1149, т. V, 1862, д. 85, л. 57—72 (Мемория общего собрания Государственного Совета).

⁷⁰ ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 558, л. 74.

Составленный Валуевым проект не выделял особо прошений, исходящих от общественных и сословных собраний, но касался всех вообще прошений в писем, «подносимых или присылаемых с большим числом подписей (адресов)». Пункт 1 проекта гласил, что когда письмо или прошение, подписанное более чем одним лицом, по содержанию или обстоятельствам, сопровождавшим его сочинение, распространение или представление, составляет на основании общих уголовных законов преступление, то виновные подвергаются ответственности в размерах и порядке, определенных нижеследующими статьями. Ответственность за незаконные прошения или письма налагается по суду (п. 2), а виновные в зависимости от «меры незаконности» бумаги подвергаются аресту от 7 дней до 3 месяцев, или заключению в тюрьму от 3 месяцев до 1 года, или же денежным взысканиям от 10 до 500 руб. с каждого. Должностные лица, сверх того, могут быть отстранены от должности (п. 4).

Ответственность за поданное прошение налагается, во-первых, на тех, чья подпись по занимаемой должности придает бумаге официальное значение; во-вторых, на тех, кто лично подал или отправил прошение по назначению; в-третьих, на первых трех, кроме должностных лиц, подписавших прошение.⁷¹

В марте—апреле царь дважды интересовался ходом дела по составлению проекта.⁷² Однако, когда проект был подготовлен, он оказался уже ненужным. Польские события и вызванный ими поток верноподданических адресов изменил взгляд правительства на этот вопрос. Выше уже говорилось о двойственном отношении правящих кругов к подаче адресов на «высочайшее имя». В возникшей в 1863 г. ситуации правительство оказалось заинтересованным в верноподданических адресах как доказательство поддержки его политики общественным мнением страны. На состоявшемся 3 июня заседании Департамента законов было принято во внимание, что «в текущем году со всех концов России стекаются к подножию престола адреса, преисполненные выражением верноподданических чувств всех сословий России», что они публикуются для всеобщего сведения и служат для иностранных держав доказательством внутренней силы и могущества России. При таких обстоятельствах, как указывалось в журнале Департамента, издание закона о карательных мерах за подачу адресов могло бы возбудить неосновательное подозрение, что, кроме публикуемых адресов, имеются и другие, а это ослабило бы впечатление от обнародованных адресов. По этим соображениям

⁷¹ ЦГИА СССР, ф. 1149, т. V, 1862, д. 85, л. 44.

⁷² Просматривая ведомость о переписных делах Государственного Совета за март 1863 г., Александр II против пункта о прошениях со многими подписями написал: «Когда проект этот будет представлен?». В начале апреля ему доложили, что 3 апреля от министра внутренних дел были потребованы сведения о проекте, но ответа от него еще не доставлено. Против этого объяснения император написал: «Вновь потребовать и довести» (ЦГИА СССР, ф. 1282, оп. 3, д. 558, л. 75).

Департамент законов и все члены Особого комитета пришли к единому мнению: оставить обсуждаемый вопрос без последствий. Царь признал указивное решение «справедливым».⁷³

В последующие годы царствования Александра II законодательство об адресах общему пересмотру не подвергалось, однако частными законодательными актами в него были внесены существенные изменения. Таковые последовали уже в начале 1865 г., явившись ответом на «всеподданнейший» адрес московского дворянства. Интересное и основательное исследование В. А. Скороспеловой, посвященное московскому дворянскому собранию 1865 г.,⁷⁴ позволяет нам ограничиться рассмотрением лишь одного из целого комплекса вопросов, связанных с московскими событиями — их влиянием на пересмотр законов, определяющих право дворянских собраний на ходатайство перед верховной властью. В работах дореволюционных авторов этот вопрос, на наш взгляд, не получил достаточно четкого освещения.⁷⁵

Адрес московского дворянства, в котором шла речь о созыве «общего собрания выборных людей от земли русской для обсуждения нужд, общих всему государству», а также «второго собрания из представителей одного дворянского сословия»,⁷⁶ вызвал в правительственных сферах серьезное беспокойство. Олигархическая окраска адреса не меняла дела: требование представительства в любой форме рассматривалось как оппозиция.

Следуя устоявшейся с некоторых пор практике, правительство попыталось найти основания для признания незаконности действий московских дворян и тем самым исключить возможность официального представления адреса. Усилиями министра внутренних дел (о своей заслуге Валуев прямо писал в дневнике⁷⁷) желаемый результат был достигнут. Сославшись на «неправильный состав» дворянского собрания, Сенат признал вследствие этого все его постановления недействительными. Собрание было закрыто, а генерал-губернатор М. А. Офросимов, не проявивший в московском деле достаточной твердости, вынужден был уйти в отставку.

Репрессивные меры коснулись еще нескольких лиц. К судебной ответственности был привлечен один из главных ораторов

⁷³ ЦГИА СССР, ф. 1149, т. V, 1862, л. 85, л. 75—76 (Журнал Департамента законов).

⁷⁴ Скороспелова В. А. Московское дворянское собрание 1865 г. и газета «Весть». — Вестник МГУ, история, 1974, № 2, с. 27—44.

⁷⁵ См.: Сватиков С. Г. Общественное движение в России (1700—1895), ч. II. Ростов-на-Дону, 1905, с. 53—57; Корнилов А. А. Общественное движение при Александре II (1855—1881). М., 1900, с. 171—174.

⁷⁶ Весть, 1865, 14 января. — Текст адреса приведен в книге П. Устиновича «Мысли и воспоминания при чтении законов о дворянстве» (М., 1880).

⁷⁷ Валуев П. А. Дневник, т. II. М., 1961, с. 15: «Никто до сих пор не оценил того, что я сделал, уничтожив таким образом через Сенат и по простому формальному поводу всю действительность с легальной точки зрения действия и постановления Московского съезда».

рон на съезде обер-церемониймейстер императорского двора гр. В. П. Орлов-Давыдов и редакторы газеты «Весть» за папечатанье московского адреса и выступления Орлова-Давыдова. Издание газеты было приостановлено на 8 месяцев.

В ходе обсуждения московских событий отдельными представителями высшей бюрократии, в частности шефом жандармов кн. В. А. Долгоруковым, предлагалось вновь обратиться к законодательству об адресах и попытаться изыскать способ такого «разъяснения статей ныне действующего закона, который бы преградил путь к дальнейшим заявлениям вроде московского». По этому поводу Валуев в своем дневнике записал: «Как будто в подобных случаях разъяснения останавливали и как будто недостаточно разъяснили в 1862 г.»⁷⁹ Тем не менее правительство пошло по этому пути.

В сохранившихся в фонде Валуева черновых записях о ходе Московского дворянского собрания помечено, что «основанием к представлению московским дворянским собранием всеподданнейшего прошения главным образом было предоставленное ст. 112 т. IX дворянству право ходатайствовать о пользах и нуждах дворянства».⁸⁰ Ссылками именно на эту статью сторонники адреса (подольский и звенигородский уездные предводители дворянства) доказывали его законность.⁸⁰

Если до сих пор разъяснения указанной статьи шли на уровне конфиденциальных циркуляров и писем, то на этот раз разъяснения были оформлены в виде закона. 29 января 1865 г. Александр II обратился с рескриптом на имя министра внутренних дел. В нем осуждались действия Московского дворянского собрания, которое «вошло в обсуждение предметов, прямому ведению его не подлежащих, коснулось вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений». В рескрипте провозглашалось исключительное право самодержца на инициативу в деле государственного преобразования («право вчинения . . . принадлежит исключительно мне», «никому . . . не предоставлено предупредить мои непрерывные о благе России попечения и предрешать вопросы о существенных основаниях ее общих государственных учреждений»). Вместе с тем подчеркивалось, что «ни одно сословие не имеет законного права говорить именем других сословий» и ходатайствовать «об общих пользах и нуждах государства».⁸¹

⁷⁹ Там же, с. 16—17.

⁸⁰ ЦГИА СССР, ф. 808, оп. 1, д. 248, л. 24.

⁸⁰ Там же, л. 24, 26.

⁸¹ Там же, л. 35—36; л. 31—34 (Проекты рескрипта с правкой царя и министра внутренних дел); ПСЗ II, т. XL, № 41729; Северная почта, 1865, 30 января; текст рескрипта приведен С. С. Татищевым в кн.: Император Александр II. Его жизнь и царствование, т. 1. СПб., 1903, с. 525—528; М. Лемке в кн.: Эпоха цензурных реформ. 1850—1865. СПб., 1904, с. 376—377.

В начале февраля «по высочайшему повелению» министр внутренних дел представил в Правительствующий Сенат рапорт о разъяснении статей 112, 119 и 135 Законов о состоянии. В нем указывалось, что в течение последних четырех лет в некоторых губернских дворянских собраниях возникли недоразумения относительно точного понимания и способа применения некоторых статей Устава о дворянских выборах. Было отмечено, что, руководствуясь ст. 112 т. IX Законов о состоянии, губернские собрания «не ограничивались определенным для них кругом заятий и предметами, принадлежащими их ведению, но входили в обсуждение вопросов общих, не относящихся собственно до пользы и нужд той или другой губернии, но касающихся перемен в общих узаконениях или изменении порядка таких частей государственного управления, которые непосредственно состоят в ведении «высшего правительства». Во избежание дальнейшего неправильного применения дворянскими собраниями на очередных дворянских выборах ст. 112 на Правительствующий Сенат возлагалась задача разъяснения точного смысла закона.⁸²

Ст. 112 т. IX Свода законов получила примечание, в котором со ссылкой на рескрипт 29 января 1865 г. указывалось, что [1] «дворянские собрания не должны входить в обсуждение предметов, прямому их ведению не подлежащих, и касаться вопросов, относящихся до изменения существенных начал государственных в России учреждений», [2] что «ни одно сословие не имеет права говорить именем других сословий. Никто не призван принимать на себя ходатайство перед государем императором об общих пользах и нуждах государства».⁸³ В первом случае отрицается право поднимать вопрос о представительстве, во втором — касаться принципа всесословности. По Своду законов 1876 г. статья идет без примечания, а его первая часть включена в основной текст статьи.⁸⁴

Рескрипт 29 января 1865 г. послужил также основанием к отмене предоставленного дворянам в соответствии со ст. 135 права делать представления о «прекращении местных злоупотреблений или об устранении неудобств, замеченных в местном управлении, хотя бы они происходили от общего какого-либо постановления». Ст. 135 была сведена к одной фразе — запрещению «дворянству составлять положения противные законам».⁸⁵ Таким образом, право дворянства выступать от имени других сословий (в пределах одной губернии), которое им самим рассматривалось как одна из важнейших привилегий, было аннулировано. Восстановления ст. 135 дворянству удалось добиться только в 1888 г.⁸⁶

⁸² ЦГИА СССР, ф. 008, оп. 1, д. 249, л. 1а—8.

⁸³ Свод законов, 1857, т. IX, ст. 112. Продолжение, ч. II. СПб., 1868.

⁸⁴ Свод законов, 1876, т. IX, ст. 142.

⁸⁵ Свод законов, 1857, т. IX, ст. 135. Продолжение, ч. II, 18—8.

⁸⁶ Свод законов, 1876, т. IX, ст. 163. Продолжение. СПб., 1889. См.: Королюк А. П. Российское дворянство и его сословная организация. 1861—1904 гг. — История СССР, 1971, № 5, с. 76—77.

Год спустя после событий на московском губернском съезде с выражением сочувствия Московскому дворянскому собранию обратился съезд рязанского дворянства. Ответом правительства на эту демонстрацию, расцениваемую как нарушение рескрипта 29 января, явилось закрытие дворянского собрания и отставка губернского предводителя А. П. Реткина.⁸⁷

Реакция дворянства на рескрипт 29 января нашла отражение в выступлениях и предложениях на петербургском дворянском съезде губернского предводителя кн. Г. А. Щербатова. В своей речи 1 марта 1866 г. он заявил: «Мы должны сохранить право ходатайства, закон нам это право дает, и унижительна была бы мысль предполагать, чтобы кто-либо мог думать, что от нас ожидают только ходатайства в угоду».⁸⁸ Сформулированные им в включенном в «исеподданнейшее» прошение предложения состояли из четырех пунктов. Было выдвинуто требование, чтобы ходатайства дворянских и земских собраний об изменении, дополнении или отмене какого-либо действующего законоположения подлежали рассмотрению в законодательном порядке (п. 1), а остальные ходатайства в случае неудовлетворения их по административной линии представлялись бы на разрешение Правительствующего Сената (п. 2). Предлагалось распространить на губернские земские собрания предоставленное дворянству ст. 114 Законов о состоянии право выбора депутатов для объяснения высшему правительству просьб и жалоб губернских собраний (п. 3). В дополнение к этой же статье предлагалось, чтобы избранные депутаты (уже «по самому избранию их, а не только по вызову правительства») принимали участие в обсуждении и пользовались правом голоса при рассмотрении их ходатайств в Сенате и Государственном Совете (п. 4).⁸⁹ Таким образом, речь шла не о восстановлении утраченных дворянством прав, а о их весьма существенном расширении. Разумеется, что ходатайство о распространении этих прав на земские собрания были продиктованы отнюдь не заботой о других сословиях, а объяснялось тем, что с образованием земских учреждений к ним перешли многие вопросы, которые ранее находились в ведении дворянства.

Действия, предпринятые правительством в связи с Петербургским собранием, нашли подробное освещение в дневнике П. А. Валуева. События, имевшие место 1 марта, на следующий день были доведены до сведения императора и 3 марта, после заседания Совета министров, обсуждены в более узком составе: царь, П. А. Валуев, П. П. Гагарин, шеф жандармов В. А. Долгоруков, главноуправляющий II отделением В. И. Панин, министр юстиции

⁸⁷ В а л у е в П. А. Дневник, т. II, с. 95—96.

⁸⁸ Щ е р б а т о в Г. А. Речь в Петербургском дворянском собрании 1 марта 1866 г. (Гектографированное издание помещено в Государственной Публичной библиотеке им. М. Е. Салтыкова-Щедрина).

⁸⁹ Там же, с. 18—19.

Д. Н. Замятин, в. кн. Константин Николаевич. 4 марта совещание с участием также министра иностранных дел А. М. Горчакова и петербургского генерал-губернатора А. А. Суворова было продолжено. В ходе обсуждения высказывались разные суждения. Кн. Гагарин (его поддерживал в. кн. Константин Николаевич) настаивал на признании собрания «несостоявшимся» и отстранении кн. Щербатова от должности. Министр юстиции предложил прибегнуть к штрафу на основании ст. 135 Законов о состоянии. П. А. Валув выступил против «бесплодно насильственных мер» и считал возможным ограничиться заявлением, что ходатайство собрания, как выходящее за пределы закона, будет оставлено без последствий. Мнение Валуева разделяло большинство министров и поддержал царь.⁹⁰ Были отданы также распоряжения по цензурному ведомству о недопущении в печать сведений о Петербургском дворянском собрании.⁹¹ В случае появления в каком-либо из номеров повременных изданий речи кн. Щербатова или «всеподданнейшего» прошения петербургского дворянства указанный номер подлежал немедленному задержанию.⁹² С усилением реакционного курса правительства после 1866 г. адреса, содержащие политические требования, практически сходят на нет. «Волна революционного прилива, — писал Ленин о после-реформенном десятилетии, — была отбита, и либеральное движение вслед за этим и вследствие этого второй раз сменилось реакцией».⁹³

Исчезновение адресов оппозиционного характера объясняется как спадом либерального общественного движения, так и в значительной степени действием принятых 13 июня 1867 г. правил «О порядке производства дел в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях».⁹⁴ Цель их заключалась в том, чтобы создать «задвижку, которая бы не впускала в них (собрания, — В. И.) или не выпускала из них конституционные заявления».⁹⁵ Указанную цель предполагалось достичь путем усиления власти и ответственности председателей собрания. Закон предоставлял председателю право прекратить обсуждение предложений, которые он «признает несогласными с законами или выходящими из круга предметов ведения собрания». В случае же допущения председателем «постановления, нарушающего пределы собрания», он подвергался взысканиям в судебном или административном порядке. Вместе с тем в Правилах было предусмотрено, что в случае принятия собранием постановления, «противного законам», или «по предметам, не подлежащим веде-

⁹⁰ В а л у в П. А. Дневник, т. II, с. 107—108.

⁹¹ ЦГИА СССР, ф. 776, оп. 3, д. 245, л. 1—2.

⁹² Там же, л. 4.

⁹³ Л е н и н В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 45.

⁹⁴ ПСЗ II, т. XLII, № 44690.

⁹⁵ В а л у в П. А. Дневник, т. II, с. 189.

нию собрания», оно «не подлежит как недействительное ни исполнению, ни дальнейшему производству».

Хотя непосредственно адресов настоящие правила не касались, но, будучи направлены против незаконных постановлений сословных и общественных собраний вообще, они естественно распространялись и на всеподданнейшие адреса.

При опубликовании в 1868 г. в Своде законов новой урезанной статьи 135 Законов о состоянии в тексте ее была сделана ссылка на Правила от 13 июня 1867 г. «О производстве дел в сословных и общественных собраниях».⁹⁶ В Своде законов 1876 г. ссылка на Правила 13 июня 1867 г. была превращена в самостоятельную статью.⁹⁷ В эти годы для правительства Александра II становятся неприемлемыми даже верноподданические адреса с малейшим оттенком либерализма. Адрес Московского земства 1870 г., написанный с единственной целью: быть противовесом либеральному адресу Московской думы, — был пайдеп во многих отношениях «исудобным», затрагивающим вопросы, ведению земства не подлежащие. Высказанная в конце его уверенность, что Россия «почерпнет в обретенном ею снова земском источнике новые силы на развитие своей гражданственности, своего духовного и материального богатства и на крепкое объединение всех частей . . . государства», дала основания считать, что верноподданические чувства в нем были выражены «небезусловно».⁹⁸

Проводимая правительством на протяжении первого пореформенного десятилетия политика в отношении постановлений и адресов сословных и общественных собраний целиком и полностью укладывается в характеристику, данную В. П. Лепиным: правительство Александра II «с самого начала и до самого конца отрезывало всякий легальный путь к свободе, ибо отвечало репрессиями даже на простые ходатайства, ибо не разрешало никогда даже говорить свободно о свободе».⁹⁹

Отказавшись от законодательства, запрещающего подачу адресов, и в известных случаях проявляя в них заинтересованность, выдавая их за показатель общественного мнения, правительство в 60-е годы принимает ряд законодательных актов и административных постановлений, которыми фактически исключается всякая возможность для адреса быть выражением общественного мнения.

⁹⁶ Свод законов, 1857, т. IX, ст. 135. Продолжение, ч. II, 1868.

⁹⁷ Свод законов, 1876, т. IX, ст. 163, 166.

⁹⁸ См.: Иордова В. А. Адрес Московской городской думы 1870 г. — Истор. записки, 1977, № 98, с. 294—312.

⁹⁹ Лепин В. И. Полн. собр. соч., т. 5, с. 62.